
РАЗМЫШЛЕНИЕ НАД КНИГОЙ

Гаражники: дым промежуточной техники и зеркала социологических концепций

Рецензия на книги: Селеев С.С., Павлов А.Б. (2016) Гаражники: монография. М.: Страна Оз; Павлов А.Б. (2016) Демон перемен. Введение в оперативную алхимию российской жизни. Ульяновск: Павлов А.Б.

Д.С. ХАУСТОВ*

*Дмитрий Сергеевич Хаустов – кандидат экономических наук, доцент, кафедра «Финансы и бухгалтерский учет», ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет путей сообщения». Адрес: 664074, Иркутск, ул. Чернышевского, д. 15. E-mail: dmitry.khaustov1982@mail.ru

Цитирование: Хаустов Д.С. (2018) Гаражники: дым промежуточной техники и зеркала социологических концепций // Мир России. Т. 27. № 3. С. 198–210. DOI: 10.17323/1811-038X-2018-27-3-198-210

В последнее время в фокусе государственного, общественного и научного внимания оказались так называемые неформальная экономика и неформальная занятость. И если интерес государства объясняется фискальными соображениями, то широкая публика и научное сообщество пытаются ответить на вопрос «Какова Россия за пределами МКАД?». Один из возможных вариантов ответа дает монография С.С. Селеева и А.Б. Павлова «Гаражники», посвященная неформальным хозяйственным отношениям в гаражно-строительных кооперативах. Авторы книги проводили многочисленные полевые исследования гаражной экономики в ряде городов европейской части России, применяя по преимуществу методы социальной антропологии. В небольшой по объему книге А.Б. Павлова «Демон перемен» в публицистическом ключе рассмотрены проблемы неформализованного знания о том, как на самом деле функционируют низовые хозяйственные практики, демонстрирующие тенденцию к самодостаточности, к которым вплотную примыкает, сливаясь с ней, гаражная экономика. «Демон», вынесенный в заголовок, – это процесс воздействия государства на общество в попытке создать подходящую виртуальную социальную реальность, взаимодействовать с которой комфортнее, чем с гаражной экономикой.

В рецензии автор сфокусировал свое внимание на параллельном анализе концепций «гаражная экономика» и «промежуточная (подходящая) техника». Сделан вывод, что га-

ражная экономика является источником автохтонного аналога промежуточной техники Э. Шумахера. В целом можно сказать, что в российской экономике на протяжении достаточно продолжительного времени устойчиво функционирует ремесленно-промышленный уклад, примером которого является гаражная экономика.

Ключевые слова: гаражники, гаражная экономика, неформальная занятость, неформальная экономика, промежуточная техника, подходящая техника, дореволюционные кустари, Эрнст Шумахер

«Кассирша ласково твердила:
– Зайдите, миленький, в барак,
Там вам покажут крокодила,
Там ползает японский рак. –
Но вдруг завывла дико пума,
Как будто грешники в аду,
И, озираяся угрюмо,
Сказал я тихо: «Не пойду!
Зачем искать зверей опасных,
Ревущих из багровой мглы,
Когда на вывесках прекрасных
Они так кротки и милы?».

Михаил Кузмин.

«Природа природствующая и природа оприроденная»¹

«Гаражники» и еще одно «Введение в оперативную алхимию российской жизни»

У автора настоящей статьи появилось мало чем «объективно» мотивированное желание написать рецензии на две, с одной стороны, очень похожие, а с другой, очень разные книги, названия которых вынесены в подзаголовок. Сходство их определяется авторством и принципиально общей тематикой, различия – в подаче материала, форме, настроении текста. «Гаражники» – научная монография, написанная по материалам исследования, выполненная при поддержке фонда «Хамовники». В «Демоне перемен» рассматриваются основные тренды, которые сложились в социально-экономической жизни России в последние годы, раскрытые с изрядной долей целенаправленной, но вполне осознанной, провокации, которая, впрочем, никак не отразилась на базовых смыслах» [Павлов 2016, аннотация].

Монография С.С. Селеева и А.Б. Павлова посвящена *гаражникам*, т.е. людям, занятым неформальной хозяйственной деятельностью в гаражно-строительных кооперативах. По мнению авторов, они изучают «уникальный феномен, который практически никак не отражается в информационном поле, не находит прямого учета в официальной статистике и как бы невидим для государства, но отлично известен в российской повседневной жизни». В общем-то с авторами следует

¹ Кузмин М.А. (1926) Природа природствующая и природа оприроденная // Кузмин М.А. Форель разбивает лед // <https://professional.ru/Soobschestva/serebrjanyj-vek-russkoj-poezii/mihail-kuzmin-priroda-prirodstvujushchaja-i/>

согласиться, что «практически каждый житель провинциального города так или иначе сталкивался с гаражной деятельностью: чинил автомобиль у “дяди Васи”, вставлял окна, изготовленные в соседнем гаражно-строительном кооперативе, или покупал у гаражников мебель, самое меньшее – выпивал с соседями по гаражу, которые в нем шабашили» [Селеев, Павлов 2016, с. 7].

Почему же гаражники невидимы для государства? Тем более что гаражники очень чувствительны к внешней социально-экономической среде и могут многократно менять профиль деятельности, зачастую не покидая одного и того же гаражного бокса, а повышенная социальная активность, как правило, привлекает к себе внимание соответствующих органов. Да и величина неформального сектора российской экономики, по расчетам В.Е. Гимпельсона и Р.И. Капелюшников, в 2012 г. составляла 17–18% от всех занятых [Гимпельсон, Капелюшников 2014, с. 120]. В 2016 г. их доля достигла наблюдаемого Росстатом максимума – 21,2%. По экспертным оценкам, выросло число тех, кто берет необлагаемые налогами подработки, – с 30,4% в 2016 г. до 35,5% в 2017 г. [Базанова, Ломская 2017]. Авторы рецензируемой монографии констатируют, «что любая вновь появляющаяся ниша, где существует явный спрос, очень быстро закрывается предложением» гаражных умельцев [Селеев, Павлов 2016, с. 59]. С.С. Селеев и А.Б. Павлов отвечают на этот вопрос так: «То, что этот процесс (производства в гаражах – Д.Х.) плохо различим извне, объясняется двумя основными факторами: во-первых, многие гаражники ориентированы на запросы самого близкого социального окружения или узкие локальные рынки; во-вторых, гаражное изделие в рыночный товар превращает специфическая деятельность барыг – посредников, выступающих как бы “проявителями” гаражных товаров и услуг» [Селеев, Павлов 2016, с. 59]. Например, эти барыги превращают мебель из волжских гаражей в «итальянскую».

Любопытна продемонстрированная авторами эволюция использования гаражных боксов за период с 1960-х гг. до настоящего времени: от крытого машиноместа к ситуации, когда «ГСК в целом становятся предприятиями, природа которых определяется видом деятельности в большинстве относящихся к ним гаражей; они фактически утрачивают связь с первоначальным функциональным назначением гаражей, сохраняя лишь организационно-правовую форму гаражно-строительного кооператива. Таким образом формируются, например, “жилые” ГСК, которые постепенно превращаются или уже превратились в место жительства их владельцев или арендаторов. При этом гаражи трансформируются в многоэтажные постройки, которые по документам продолжают числиться нежилыми помещениями. Чаще всего вторые и третьи этажи в документах представлены как “комнаты отдыха”» [Селеев, Павлов 2016, с. 33–34].

Более того, наблюдается определенная «гаражизация» локальной экономики и, в частности, строительной отрасли: «ГСК, строящиеся в последние годы в тех городах, где активно развивается гаражная деятельность, часто с самого начала рассчитаны на то, что боксы будут использоваться вовсе не для хранения автомобилей. Типичны в этом отношении новые гаражные комплексы в Ульяновске: застройщик сразу строит двухэтажные большие гаражи и другие помещения, предусмотренные для размещения производства. В других городах подобная тактика не столь выражена, но и там в новых малоэтажных ГСК на продажу строятся большие боксы, явно избыточные для обычного хранения автомобиля. Это диктуется спросом» [Селеев, Павлов 2016, с. 34].

Свои выводы С.С. Селеев и А.Б. Павлов формулируют следующим образом: «подавляющее большинство гаражников – это, как выразился один из них, “типичные ремесленники”, а их труд – это классическая промысловая деятельность, направленная не на аккумуляцию ресурсов, а на жизнеобеспечение» [Селеев, Павлов 2016, с. 86]. И далее: «<...> исследование подтвердило нашу догадку о том, что мы имеем дело в первую очередь с социальным, а не экономическим явлением. Экономический аспект оказался подчинен социальному. “Гаражная экономика” – это история про использование социальных связей, а не про деньги и капитал. Мы уверены, что рассмотрение гаражной деятельности сугубо экономически привело бы к потере ее специфического содержания» [Селеев, Павлов 2016, с. 87]. Можно предположить, что гаражная экономика – это разновидность ремесленно-артельного уклада в вечно возрождающейся многоукладной российской экономике, о чем еще будет сказано ниже.

В «Гаражниках» авторы обращаются к социологическому, антропологическому, историческому и иным подходам для наиболее адекватного описания исследуемого явления. Сама книга выдержана в антропологическом ключе, о чем авторы говорят во «Введении»: «<...> Мы изначально отказались от общепринятых парадигм описания и рассматривали явление не сверху, а снизу, стараясь не столько смотреть на гаражников через какую-либо понятийную призму, сколько фиксировать их собственный взгляд на себя и на то, что они делают» [Селеев, Павлов 2016, с. 8].

Хотелось бы также отметить чисто литературные достоинства монографии. Например, авторы полагают, что «<...> Пенза – наиболее сильный конкурент Ульяновска в производстве гаражной мебели ведущих “итальянских” брендов. Пензенские гаражники поставляют свою мебель в разные регионы России и страны ближнего зарубежья» [Селеев, Павлов 2016, с. 109]. Читателю, воспитанному на отечественной литературе, на ум приходит город N со своими парикмахерскими и гробовых дел мастерами.

«Демон перемен» А.Б. Павлова представляет собой необычный литературный эксперимент на стыке разных *non-fiction* жанров: научной статьи, бойкой публицистики, проблемного очерка, философского этюда, сатиры на заданную тему, *classified*. Чего, например, стоит только один «Словарь терминов»:

«Дача – место для выращивания закуски в открытом грунте с целью демонстрации статуса. <...>

Коррупция – интерпретация статусных отношений теми, кто в них не включен. <...>

Понятия – статичные зафиксированные нормы общественного поведения. <...>

ПТУ – заведение по подготовке молодых людей к жизни в колонии общего режима. <...>

Университет – ясли продленного дня, выдающие аттестат зрелости» [Павлов 2016, с. 5–6].

Когда А.Б. Павлов не балуется сатирой, он пишет весьма содержательно, на грани гениальности. Отмечая, что большинство онтологий, описывающих российскую действительность, линейны, автор «Демона перемен» предлагает признать, что однонаправленного движения в социальной материи нет, «а существует оно лишь в виде воздействия на эту самую жизнь интерпретаторами и реформаторами, которые своими интерпретациями и реформами сами и создают себе объекты приложения усилий – плодят демонов, своими действиями по изменению неизменяемого, создавая реакцию, которая и становится полем приложения действий, т.е. объектом. При этом ввиду оперативного-алхимического характера подобных упражнений, сама сущность жизни становится для алхимиков неважна, важны лишь

символические сигналы, исходящие якобы из нее, на которые надо реагировать» [Павлов 2016, с. 3].

Большая часть книги была размещена на сайте электронного СМИ², где А.Б. Павлов является главным редактором, и по форме представляет сборник журналистских очерков и заметок, поэтому неудивительно, что «Демон перемен» написан публицистическим стилем: так, в рецензируемом издании можно встретить следующие ремарки:

«Нас с коллегами тут же обвинили в том, что мы “навели порчу” на гаражников, “натравив на них власть” (по поводу публикации монографии “Гаражники” – Д.Х.)» [Павлов 2016, с. 12].

«На локальном уровне нет ни вменяемой тени, ни экономики. Есть лишь набор хозяйственных практик, эффективно регулируемых конкретной общностью через систему предьяв и понятий – промыслы, к которым относится и деятельность “гаражной экономики”» [Павлов 2016, с. 14].

«Очень активно идет и импортозамещение: в гаражных мастерских за год освоено производство “фирменной” итальянской мебели, заменителей европейских деталей для иномарок, разлив брендованных масел и тосола, восстановление станков и т.д. Любая возникающая потребность очень быстро становится возможностью, которая реализуется через социальные связи (сарафанное радио)» [Павлов 2016, с. 22].

«Вслед за углублением “новых экономических условий” мы наблюдаем крайнее ускорение социально-хозяйственных процессов – в ответ на снижение доступной ресурсной базы люди начинают “активно шевелиться”, то есть “шуршать”: активно искать и добывать ресурсы, их осваивать и защищать» [Павлов 2016, с. 24].

Иногда на страницах «Демона перемен» проскальзывают почти бытовые зарисовки, как будто рожденные «на раёне»: «По причине личного характера доступа к ресурсу, работать (т.е. промышленять) оказывается возможным эффективно лишь с кем-то, а не где-то. Следствием этого оказывается крайняя необходимость поддержки личных отношений, не позволяющая даже аналитически выделить работу из остальной жизнедеятельности, а бригаду представить без общака» [Павлов 2016, с. 25]³.

У читателя этих строк может сложиться впечатление, что литературная активность А.Б. Павлова – паранаучная или вообще не научная, но это совсем не так. Александр Борисович работает, как сейчас принято говорить, в рамках парадигмы раздаточной экономики О.Э. Бессоновой [Бессонова 2015] и схожих концепций: сслловного государства С.Г. Кордонского [Кордонский 2008], отчасти – X-Y-теории С. Кирдиной-Чэндлер [Кирдина 2014]. Например, А.Б. Павлов констатирует, что «раздаточная экономика без скрипа может работать лишь тогда, когда выполняются раскладки. <...> Именно сдаточно-раздаточные индикаторы формируют ту статистику, которой оперирует власть. В момент, когда прекращается поток сдач, эта статистика перестает иметь хоть что-то общее с реальной экономикой, так как вообще ничего не говорит, да и не может сказать о том, как реально используются ресурсы. А ведь экономика – это про их использование» [Павлов 2016, с. 28–29].

Автор «Демона перемен» в качестве рабочей гипотезы высказывает мысль о том, что в российском хозяйстве действует докапиталистическая или паракапита-

² <http://ulgrad.ru>

³ Читатели этой рецензии, имеющие опыт работы преподавателем высшей школы, могут вспомнить такой «социально-хозяйственный процесс», как «распределение учебной нагрузки» и понимающе улыбнуться (или вздохнуть).

листическая логика. Рассуждая об «экономике штрафов», А.Б. Павлов отмечает, что «налоговые механизмы сбора в России не работают, да и не могут работать в принципе ввиду кардинального различия логик, которыми руководствуется система налогового администрирования, и реальных практик. Невозможно заставить делиться с заработанного, можно лишь заставлять работать, чтобы платить дань, как оно всегда и было» [Павлов 2016, с. 27]. На мой взгляд, это достаточно неоднозначное высказывание: ведь есть же онлайн-кассы и прочие эксперименты в духе фильма *In Time*. Также в «Демоне перемен» читаем о промыслах: «Всю эту деятельность трудно назвать экономической в широком понимании – к экономике денег и капитала она имеет опосредованное отношение, что служит дополнительным фактором ее незаметности для государства» [Павлов 2016, с. 21].

Дополнительный шарм изданию придают отсутствующая нумерация страниц и объявления коммерческого характера. Город «У» вместо Ульяновска в выходных данных отсылает к одноименной антиутопии Всеволода Иванова. В общем, *must read*.

Наконец, как все хорошо написанные книги, «Гаражники» и «Демон перемен» ценны тем, что вызывают вопросы и наводят на размышления, стимулируют выдвижение разнообразных гипотез и построение социологических (и не очень) концепций, от использования которых стараются воздерживаться авторы монографии.

О гаражниках: промежуточная техника

Еще в 1970-х гг. британский экономист немецкого происхождения Эрнст Шумахер при изучении проблем экономического развития стран третьего мира выдвинул концепцию «промежуточной техники» (*intermediate technology*), которая более широко известна как концепция «подходящей техники» (*appropriate technology*). Сам автор описывал идеальные производственные отношения с использованием промежуточной техники следующим образом:

«Во-первых, рабочие места нужно создавать прежде всего там, где люди живут сейчас, а не в областях метрополий, куда им свойственно мигрировать. Во-вторых, эти рабочие места должны быть в среднем достаточно дешевыми, чтобы их можно было создавать в больших количествах, не нуждаясь в недостижимых объемах ввоза и накопления капитала. В-третьих, применяемые методы производства должны быть относительно простыми, такими, чтобы потребность в специальных навыках – не только на самом производстве, но и в процессе организации, снабжения сырьем, финансирования, сбыта и т.д. – была минимальной. В-четвертых, товары должны производиться главным образом на основе местного сырья и для местного использования» [Шумахер 2012, с. 215].

В своем предисловии к сборнику статей Э. Шумахера Д.О. Аронсон отмечает, что промежуточная техника в культурном отношении вписывается в уклад и традиции принимающего ее общества, в экономическом отношении она дешевле самой передовой техники, но дороже примитивной техники беднейших обществ, в инженерном отношении она также не столь изоцирена, как техника современных богатых обществ, но и не такая примитивная, как орудия, которыми вынужденно пользуются в наименее благополучных странах [Аронсон 2012, с. 15].

Также Д.О. Аронсон анализирует движение, порожденное идеей промежуточной техники и большое число соответствующих волонтерских структур: по данным ОЭСР, в 1977 г. развитием и продвижением подходящей техники занималось 680 организаций по всему миру, в 1980 г. – более 1000. Однако, пережив расцвет в 1980-е гг., концепция локально адаптированной техники стала утрачивать популярность: как правило, изделия, созданные международными организациями, оказывались слишком дорогими, чтобы жители бедных стран могли себе их позволить [Аронсон 2012, с. 15–22]. С другой стороны, сами принимающие сообщества не смогли освоить идеи и артефакты пришедшей извне техники.

Таким образом, основная причина видимой неудачи движения промежуточной техники – неготовность принимающих сообществ, находящихся в ловушке бедности, к внедрению технических приемов, как бы специально адаптированных для социумов-реципиентов. Парадоксально, но монография С.С. Селеева и А.Б. Павлова позволяет нам сделать вывод, что гаражная техника – это подходящая техника локальных российских сообществ, готовых к адекватным технологическим инновациям. Например, авторы пишут: «Абсолютное большинство гаражников пользуется недорогим инструментом или станками. Очень часто орудия производства изготавливают самостоятельно» [Селеев, Павлов 2016, с. 62], и причина этого – дороговизна фирменного оборудования. «Нехватка оборудования обычно восполняется смекалкой и внедрением собственных изобретений. Повсеместно нам встречались самодельные прессы, раскроечные столы и станки, вальцы, станки советского времени, восстановленные, можно сказать, из металлолома, и т.п., а также весьма нетривиальные кустарные технологии: наклеивание кромок утюгом, выбивание подшипника его же обоймой, виртуозная рихтовка кувалдой, выправление кузова методом буксировки столба, шлифовка дерева стеклом от бутылки и многое другое» [Селеев, Павлов 2016, с. 63].

С.С. Селеев и А.Б. Павлов даже используют схожие формулировки – компенсирующие и «обходные» технологии: «<...> С помощью “обходных” технологий часто удается получить вполне удовлетворительный результат. <...> Важную роль в выборе и создании орудий труда играет в последние годы Интернет, из которого гаражники черпают изобретения и конструктивные идеи своих коллег, самые разные компенсирующие технологии» [Селеев, Павлов 2016, с. 63].

В общем, достаточно очевидны причины такого изобретательства, в принципе характерного для развивающихся стран – общий дефицит капитала и его преимущественно торговый характер, низкий уровень инвестиций в промышленное производство. Но почему же не наблюдается архаизация малых технологий, типичная для деиндустриализирующейся экономики, которая к тому же изначально и так имела не очень эффективный промышленный сектор? Это обстоятельство поясняет представитель другого канона в экономических исследованиях Эрик Райнерт, приглашенный в качестве экзаменатора на защиту диссертации об экономической примитивизации: из-за сокращения популяции промысловых пород рыбы в Юго-Восточной Азии местным жителям стало невыгодно использовать такую современную технологию, как подвесной лодочный мотор, в результате чего рыболовы вернулись к менее капиталоемким и технологически примитивным методам, а шахтеры в боливийском городке Потоси, когда-то втором по числу жителей городе мира, кирками добывают руду из породы, которая уже как минимум однажды была переплавлена [Райнерт 2011, с. 203].

Мы полагаем, что причины парадоксального преодоления (или даже изначального отсутствия) технологической отсталости в гаражной экономике следующие. Во-первых, гаражники и население России в целом (при всей тяжести социально-экономической ситуации в отечественной экономике) не находятся в ловушке бедности (термин Дж. Сакса). Напомним, что речь идет о ситуации, когда широкие народные массы живут в состоянии настолько тяжелой нищеты, что не имеют возможности делать даже минимальные сбережения, необходимые для начала хоть какого-то экономического развития. Именно эта ситуация типична для беднейших стран глобального юга [Аронсон 2012, с. 15–22]. В России же, например, потребительское кредитование, массовая автомобилизация населения и сопутствующие им процессы в 2000-е гг. породили и соответствующие обслуживающие отрасли и т.д.

Во-вторых, как отмечает Э. Райнерт, экономическая примитивизация, как правило, соответствует убывающей отдаче – видам хозяйственной активности, в которых один из факторов производства имеет природное происхождение и доступен в постоянно уменьшающемся количестве и ухудшающемся качестве [Райнерт 2011, с. 203]. Гаражники же, как правило, заняты обрабатывающим производством (мебель) или услугами по обслуживанию оборудования (автосервис): согласно таблице, размещенной в монографии С.С. Селеева и А.Б. Павлова, на первичный сектор (столбец «Добыча») приходится 12 видов деятельности, а на вторичный и третичный сектора (столбцы «Изготовление», «Обработка» и «Сбыт») – 92 [Селеев, Павлов 2016, с. 36–37].

В-третьих, это бремя исторического наследия: у современных российских гаражников были предшественники – дореволюционные кустари, экономическому и социологическому анализу которых одну из своих работ посвятил теоретик либерального народничества В.П. Воронцов [Воронцов 2015]. В отношении подходящей техники второй половины XIX в. В.П. Воронцов пишет достаточно необычные для образа «косного народа» вещи: «Новатор (кустарь – Д.Х.) всеми мерами старается скрыть от соседей секрет нововведения, дающего ему перевес над остальными на рынке сбыта товара; масса же кустарей употребляет энергичные усилия для того, чтобы узнать новый прием. И раз это сделано, – улучшенный способ производства сразу вводится в общую практику» [Воронцов 2015, с. 192]⁴.

В общем, кустарная промышленность поздней Российской империи дает нам образчик скрытой от посторонних глаз предпромышленной революции, где также были опробованы попытки сбыта кустарных изделий под видом заграничных: в частности, речь идет о шляпном производстве Московской губернии и кустарных камертонах Вятки [Воронцов 2015, с. 189–190]. Это роднит дореволюционных кустарей и постсоветских гаражников, изготавливающих «итальянскую» мебель и обувь. Характер же инноваций и у первых, и у вторых в чем-то похож на технологии-одиночки Джоэля Мокира: согласно ему, речь идет о нишевых технологиях, которые, как правило, появляются в результате случайных открытий. Будучи сде-

⁴ В.П. Воронцов приводит несколько примеров готовности кустарей к инновациям: кустарь, узнавший секрет выделки гжельской посуды из фарфора, старательно скрывал его от соседей, пока один из них ночью по дымоходу не спустился в горы и не срисовал устройство; в другом случае кустари просто разломали крышу, чтобы узнать устройство нового ворота; жители одного села, знавшие секрет изготовления медных и железных листов, не отдавали своих дочерей замуж в соседние селения и старались не брать оттуда жен и т.д. [Воронцов 2015, с. 192].

ланы, такие нововведения остаются географически и технологически локализованными и, с точки зрения современников, не запускают волну революционных хозяйственных изменений. Не стоит и говорить, что статистические службы обычно не видят такого рода инновации. Автор «Даров Афины» полагает, что технический прогресс до 1800 г. в целом представлял собой разрозненную цепочку технологий-одиночек [Мокир 2012, с. 34–36]. В западной науке по умолчанию предполагается, что это справедливо только в отношении передовых стран Западной Европы. А что же в России?

В России, по-видимому, эволюция техники в официальном, т.е. огосударственном хозяйственном секторе протекает скачкообразно – как бы по приказу первого гражданина. Например, Л. Грэхем, рассуждая о николаевской эпохе, отмечает, что «<...> царь своим распоряжением запускал новый виток модернизации», однако «<...> проблема заключалась в том, что условия, в которых действовали русские <...> заводы, постепенно сказывались на качестве производимой ими продукции» [Грэхэм 2014, с. 18, 17]. Автор рассказывает историю посещения Николаем I Тульского оружейного завода в 1826 г., где самодержец наблюдал ружья, собираемые при нем из взаимозаменяемых деталей (возможно, впервые в истории), а далее – описание реалий Крымской войны, когда именно превосходство союзников в оружейном огне пехотинцев и предопределило печальный для России исход этого вооруженного конфликта. Л. Грэхэм полагает, что тульские оружейники просто обманули царя, а в качестве причин называет сопротивление инновациям в силу кустарного характера производства на военных заводах. Тульские мастера являлись, в сущности, вольноотпущенниками среди моря крепостных и очень боялись, что внедрение нового оборудования обесценит квалификацию, а результатом может стать потеря той относительной свободы, которую давало их ремесло. Самыми ценными работниками были фактические кустари, создававшие подарочное оружие, а не простые солдатские ружья, кроме того, в мирное время тульские мастера делали различные хозяйственные инструменты, самовары, замки и т.п. [Грэхэм 2014, с. 17–31]. Отсюда и потемкинский характер тульских «технологий». Как кажется, перед нашим взором встает ремесленный, мануфактурный способ производства. Очень характерно стойкое нежелание тульских рабочих трудиться в здании завода, и работать они предпочитали на дому: еще в 1860 г. в заводских помещениях работало не более 35% оружейников [Грэхэм 2014, с. 30]. Все это напоминает надомничество, известное в Европе как минимум с XIII в., о чем пишет представитель школы «Анналов» Ф. Бродель [Бродель 2006, с. 312–316]. Гараж С.С. Селеевым и А.Б. Павловым рассматривается как современный функциональный аналог рабочей избы при сравнении с классической городской усадьбой и распределенного городского жилья в современной России [Селеев, Павлов 2016, с. 88]. Также многие гаражники считают одним из преимуществ своего положения свободный график и возможность работать в удобном для себя темпе [Селеев, Павлов 2016, с. 54–55], последнее обстоятельство также роднит их с дореволюционными кустарями.

Еще в начале 1990-х гг. представитель методологического движения С.В. Попов анализировал различие между понятиями «промышленной организации производства» и «технологической организации производства» [Попов 1999]. Главный критерий промышленной организации производства – количество продукции соответствующего стандарта, а для организатора самым важным является

постройка фабрики и налаживание производства. Все остальное (поставщики, сбыт, нормативная база, государственное регулирование) является внешним по отношению к производящей структуре. Технологическая организация производства предполагает возможность тиражирования технико-экономических процессов (в идеале – максимально формализованную) в другом месте и в других условиях по его описанию. Технологический тип организации производства в чистом виде не предполагает неявного знания – смекалки, эмоциональной связи с брендом и т.п. Примером такого рода технологизации является научная организация труда, доведенная до своего логического предела в инструкциях *McDonald's*. Например, «<...> в правилах для “решеточников” <...> было установлено, что гамбургеры надо класть на решетку движением слева направо, устраивая шесть рядов по шесть булочек в каждом. И так как первые два ряда находились дальше всего от нагревательного элемента, им объяснялось (и до сих пор объясняется), что третий ряд надо переворачивать первым, затем четвертый, пятый и шестой, и только потом переворачивать первые два» [Рутцер 2011, с. 134].

С.С. Попов, на наш взгляд, обоснованно утверждает, что в советской экономике преобладал первый тип организации производства, т.е. в государственном секторе экономики фактически процветал ремесленный уклад. Например, в 1960-е гг. американцы хотели купить в СССР лицензию на производство судов на подводных крыльях типа «Ракета», но советская сторона не смогла передать технологию: оказалось, что сборка таких судов заканчивалась операцией «доводки», во время которой высококвалифицированные специалисты дорабатывали изделие до необходимого состояния. Разумеется, «доводка» не могла быть адекватно описана и транслирована, поэтому советская сторона предложила продавать готовые изделия, однако американцы не согласились: им нужна была именно технология производства судов [Попов 1999, с. 25].

Представляется, что в современной России ситуация не изменилась: вероятно, ремесленно-промысловый уклад в силу обвальная деиндустриализации 1990-х гг. стал еще более значимым. Один из авторов книги «Гаражники» А.Б. Павлов вообще полагает, что «<...> Условное “гаражно-промысловое” пространство – это единственный оставшийся анклав для создания чего-либо нового, то есть для того, что принято называть прикладным творчеством. И уход (вовсе не событийный) в это пространство – это единственная оставшаяся возможность создавать уникальный воспроизводимый продукт, то есть те инновации, которые все ищут» [Гаражные страдальцы 2017]. Возможно, так оно и есть.

Литература

- Аронсон Д.О. (2012) «Буддистская экономика» Э.Ф. Шумахера и те, кому она адресована // Шумахер Э.Ф. Малое прекрасно. Экономика, в которой люди имеют значение. М.: ВШЭ. С. 7–26.
- Базанова Е., Ломская Т. (2017) Чиновники придумали, как заставить блогеров и репетиторов платить налоги // Ведомости. 22.11.2017 // <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2017/11/22/742596-bloggerov-repetitorov-nalogi>
- Бессонова О.Э. (2015) Рынок и раздаток в российской матрице: от конфронтации к интеграции. М.: Политическая энциклопедия.

- Бродель Ф. (2006) Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 2. Игры обмена. М.: Весь мир.
- Воронцов В.П. (2015) Очерки кустарной промышленности в России. М.: ЛЕНАНД.
- Гаражные страдальцы: как власти довели народ (2017) // Ульяновск – город новостей. 21.11.2016 // <http://ulgrad.ru/?p=152374>
- Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И. (ред.) (2014) В тени регулирования: неформальность на российском рынке труда. М.: ВШЭ.
- Грэхэм Л. (2014) Сможет ли Россия конкурировать? История инноваций в царской, советской и современной России. М.: Манн, Иванов и Фербер.
- Кирдина С.Г. (2014) Институциональные матрицы и развитие России: введение в X-Y-теорию. М., СПб.: Нестор-История.
- Кордонский С.Г. (2008) Сословная структура постсоветской России. М.: ФОМ.
- Мокир Дж. (2012) Дары Афины. Исторические истоки экономики знаний. М.: Институт Гайдара.
- Павлов А.Б. (2016) Демон перемен. Введение в оперативную алхимию российской жизни. Ульяновск: Павлов А.Б.
- Попов С.В. (1999) Организация хозяйства в России. Омск: Курьер.
- Райнерт Э. (2011) Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. М.: ВШЭ.
- Ритцер Дж. (2011) Макдональдизация общества 5. М.: Праксис.
- Селеев С.С., Павлов А.Б. (2016) Гаражники: монография. М.: Страна Оз.
- Шумахер Э.Ф. (2012) Малое прекрасно. Экономика, в которой люди имеют значение. М.: ВШЭ.

Garagenicks: Smoke from Intermediate Technology and Mirrors of Sociological Concepts

Book review: Seleev S., Pavlov A. (2016) *Garazhniki* [Garagenicks], Moscow: OZ Land; Pavlov A. (2016) *Demon peremen. Vvedeniye v operativnuyu alkхимиyu rossijskoj zhizni* [The Demon of Change. Introduction to the Operational Alchemy of Russian Life], Ul'yankovsk: Pavlov A.B.

D. KHAUSTOV*

*Dmitry Khaustov – PhD in Economics, Associate Professor, Department of Finance and Accounting, Irkutsk State Transport University. Address: 15, Chernishevskij St., Irkutsk, 664074, Russian Federation. E-mail: dmitry.khaustov1982@mail.ru

Citation: Khaustov D. (2018) Garagenicks: Smoke from Intermediate Technology and Mirrors of Sociological Concepts. *Mir Rossii*, vol. 27, no 3, pp. 198–210 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2018-27-3-198-210

Abstract

The so-called ‘informal economy’ and ‘informal employment’ have recently attracted a lot of attention from the state, the public, and the academic community. While the

interest of the state is driven primarily by pragmatic fiscal considerations, the general public and the academic community seek to understand the Russia that lies beyond the ring of Moscow. The book by Sergey Selev and Alexander Pavlov, ‘Garagenicks’, definitely contributes to this understanding by exploring informal economic relations in garage-building cooperatives. This is a deep socio-anthropological study relying on numerous field studies of the garage economy in a number of cities in the European part of Russia. In a separate, smaller book (written in a more journalistic manner), ‘The Demon of Change’, Alexander Pavlov summarizes other informal knowledge about the phenomena in question and provides additional insights about the grass-root economic practices underpinning the garage economy. The ‘demon’ in the title is a metaphor for the state’s influence on society, i.e. its attempts to organize social and economic reality in such a way that makes the garage economy less convenient to engage with.

The review focuses on the parallel analysis of the concepts of ‘the garage economy’ and ‘intermediate technology’. The concept of ‘intermediate technology’ was introduced by the British economist of German origin, Ernst Schumacher, for emerging economies. It unites the techniques and technologies inscribed in the cultural structure of host communities, which are relatively cheap to implement, but at the same time are more expensive than similar available technologies in recipient societies. The author concludes that the garage economy in Russia can be treated as a specific case of appropriate technology in the terms of Ernst Schumacher.

Key words: garagenicks, garage economy, informal employment, informal economy, intermediate technology, appropriate technology, pre-Revolutionary handicraftsmen, Ernst Schumacher

References

- Aronson D. (2012) «Buddistskaya ekonomika» E.F. Shumakhera i te, komu ona adresovana [Schumacher’s ‘Buddhist Economics’ and Those to Whom It Is Addressed]. *Schumacher E. Maloye prekrasno. Ekonomika, v kotoroy lyudi imeyut znachenie* [Small Is Beautiful. Economics, in Which People Matter], Moscow: HSE.
- Bazanova E., Lomskaya T. (2017) Chinovniki pridumali, kak zastavit’ blogerov i repetitorov platit’ nalogi [Officials Devised How to Collect Taxes from Bloggers and Tutors]. *Vedomosti*, 11.22.2017. Available at: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2017/11/22/742596-bloggerov-repetitorov-nalogi>, accessed 31 May 2018.
- Bessonova O. (2015) *Rynok i razdatok v rossijskoj matritse: ot konfrontatsii k integratsii* [The Market and Razdatok in the Russian Matrix: from Confrontation to Integration], Moscow: ROSSPEN.
- Braudel F. (2006) Material’naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv. T. 2. Igrы obmena [Civilization and Capitalism, XVth–XVIIIth Centuries. Vol. 2: The Wheels of Commerce]. *Braudel F. Civilisation Matérielle, Economie et Capitalisme, XIe-XVIIIe Siècle. Vol. 2: Les Jeux de l’Echange*, Moscow: Ves’ Mir.
- Garazhnye stradal’tsy: kak vlasti doveli narod (2017) [Garage Sufferers: How the State Bankrupted the People]. *Ulyanovsk – gorod novostey*, 11.21.2016. Available at: <http://ulgrad.ru/?p=152374>, accessed 31 May 2018.

- Gimpel'son V.E., Kapelyushnikov R.I. (eds.) (2014) *V teni regulirovaniya: neformal'nost' na rossijskom rynke truda* [In the Shadow of Regulation: Informality in the Russian Labour Market], Moscow: HSE.
- Graham L. (2014) *Smozhet li Rossiya konkurirovat'? Istoriya innovatsij v tsarskoj, sovetsoj i sovremennoj Rossii* [Lonely Ideas: Can Russia Compete?], Moscow: Mann, Ivanov & Ferber.
- Kirdina S. (2014) *Institutsional'nye matritsy i razvitie Rossii: vvedenie v X-Y-teoriyu* [Institutional Matrices and the Development of Russia: an Introduction to X-Y Theory], Moscow, Saint Petersburg: Nestor-Istoriya.
- Kordonsky S. (2008) *Soslovnaya struktura postsovetsoj Rossii* [Estate-Based Social Structure of Post-Soviet Russia], Moscow: FOM.
- Mokyr J. (2012) *Dary Afiny. Istoricheskie istoki ekonomiki znaniy* [The Gifts of Athena. Historical Origins of the Knowledge Economy], Moscow: Gaidar Institute Press.
- Pavlov A. (2016) *Demon peremen. Vvedenie v operativnuyu alkhimiyu rossijskoj zhizni* [The Demon of Change. Introduction to the Operational Alchemy of Russian Life], Ulyanovsk: Pavlov A.B.
- Popov S. (1999) *Organizatsiya khozyajstva v Rossii* [Organization of Economy in Russia], Omsk: Kurier.
- Reinert E. (2011) *Kak bogatye strany stali bogatymi, i pochemu bednye strany ostayutsya bednymi* [How Rich Countries Got Rich... And Why Poor Countries Stay Poor], Moscow: HSE.
- Ritzer G. (2011) *Makdonal'dizatsiya obshchestva 5* [The McDonaldization of Society 5], Moscow: Praxis.
- Schumacher E. (2012) *Maloe prekrasno. Ekonomika, v kotoroj lyudi imeyut znachenie* [Small Is Beautiful. Economics, in Which People Matter], Moscow: HSE.
- Selev S., Pavlov A. (2016) *Garazhniki* [Garagenicks], Moscow: OZ Land.
- Vorontsov V. (2015) *Ocherki kustarnoj promyshlennosti v Rossii* [Essays on the Handicraft Industry in Russia], Moscow: LENAND.